

Сов. архивы. 1987-2009 г.г. № 13.

«...Богато одаренный, чуткий музыкант тонкой интеллектуальной культуры...», «прямой и цельный образ лучшего артиста...», «человек страстно волнуемого и трепетного сердца...» — таким предстает облик Феликса Михайловича Blumenфельда в воспоминаниях современников. Памяти этого замечательного музыканта посвятил вечер своего класса зав. кафедрой общего фортепиано проф. М. Г. Соколов. В концерте прозвучали фортепианные произведения композитора, романсы, вторая часть симфонии «Памяти усопших» в переложении для фортепиано в 4 руки.

Исполнению музыки М. Г. Соколов предварил рассказ о творчестве и личности выдающегося педагога, пианиста, дирижера, композитора. Будучи студентом консерватории, М. Г. Соколов общался с маститым профессором и в полной мере ощутил обаяние и своеобразие натуры этого музыканта, натуры, в которой сплелись редкостные человеческие и музыкантские качества. Асафьев писал, что «Блуменфельд — композитор, это романтически искренняя, задушевная лирика Блуменфельда — человека, что Блуменфельд «дышал воздухом страны звучаний, в котором только и могло раз в ве-

● ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕРТЫ

ИСКУССТВО ЧИСТЫХ ПОМЫСЛОВ

О ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. БЛУМЕНФЕЛЬДА

ках осуществить себя искусство чистых помыслов людей».

Вспомним, что Феликс Михайлович страстно увлекался музыкой Вагнера, играл наизусть его оперы, а именно «вагнеровская музыка была зеркалом неистового романтизма лучших умов Европы...». Но романтическое у Блуменфельда было окрашено славянским, мицкевическим, шопеновским. Многие роднило его и с русскими композиторами «Могучей кучки», Скрябиным, Рахманиновым, Метнером. Сочинял Блуменфельд преимущественно для фортепиано, был прекрасным пианистом («Вы можете держать весь мир в Ваших лапах», — заметил Падеревский). Изумительно владел звуковыми тайнами фортепиано, здесь его имя упоминали рядом с именем Антона Рубинштейна. Вспомнили об интонационной насыщенности его игры. И хотя свой индивидуальный стиль композитор

не создал, тонкое ощущение романтического духа в его творчестве было столь велико, и творчество питалось такими значительными мыслями и чувствами, музыка была столь «большая», его «музыкальное мироощущение было столь крупного плана» (Г. Нейгауз), что исполнение произведений Блуменфельда задача воистину творческая и по-настоящему трудная. С этой задачей студенты справились. В их игре была увлеченность, осмысленность. Им удалось найти убедительную фразировку и гибкость темпоритма, достичь тонких колористических эффектов.

Поэтично и одухотворенно прозвучали «Лирические отрывки» ор. 27, у Е. Бутузовой и О. Смеляковой, первая из исполнительниц более сдержанна и углублена, вторая — непосредственна и импульсивна. Волево исполнила В. Мельникова «Драматический отрывок» ор. 50 № 2, раскрыв

напряженность и наэлектризованность его атмосферы. С подлинным размахом, ярким ощущением образной сферы прозвучала Соната ор. 46 (1913) у М. Коваль. Исполнительница проявила музыкантскую зрелость, эстрадную выдержку, артистический темперамент. Тонкая проработка фортепианной фактуры в аккомпанементе и ансамблевая чуткость привлекли в исполнении романсов И. Юсуповой. Сольстка студентка М. Мещерякова (кл. проф. Е. И. Шумиловой) добилась выразительности в мелодии романсов, И. Зубков в пьесе «Звоны» ор. 40 продемонстрировал искусное подражание колокольным эффектам. Затем прозвучали Этюды для фортепиано ор. 44 № 2, ор. 29 № 1, ор. 4, ор. 24. Исполнили их студенты М. Невская, М. Смирнова, Д. Дудин. Как и в других произведениях, в Этюдах угадывается близость различным интонацион-

ным сферам — будь то порывистость скрябинской музыки, или широкое мелодическое дыхание и экспрессия, присущие музыке Рахманинова, или эпические настроения кучкистов — разнообразие характеров и образов исполнители убедительно воплотили. При всем различии индивидуальностей студентов их устремления оправданы, потому что за ними стоит серьезное проникновение в авторские намерения и исполнительская культура.

Пример такой серьезности, профессионализма, глубокого пиетета перед личностью Ф. М. Блуменфельда дает их проф. М. Г. Соколов, тепло рассказавший о большом русском музыканте и исполнивший в ансамбле со своей ученицей И. Юсуповой вторую часть симфонии «Памяти усопших», «...ибо, прежде чем говорить о музыке, надо, чтобы заговорила сама музыка...», музыка искренняя, глубокая и вдохновенная...

Этот концерт еще раз убедил нас, что надо помнить имена тех, кто так много сделал для русского искусства.

**А. Х. НУРМАГАМБЕТОВА,
М. Н. КОРМИНА,
слушатели ФПК.**